

Keywords: *Sharia, the Imamate, state, law, court, law, crime, punishment, justice.*

References

1. Dvizhenie gorcev Severo-Vostochnogo Kavkaza v 20–50-h gg. XIX v. Sb. dokumentov. Mahachkala, 1959.
2. *Van den Berg L. V. S.* Osnovnye nachala musul'manskogo prava soglasno ucheniyu imamov Abu Hanify i Shafii: [per. s goll.] / L. V. S. Van den Berg. M.: Natalis, 2005.
3. *Isamagomedov A. M.* Razvitie sudebnoy vlasti v Dagestane. Diss... k.yu.n. Mahachkala, 2006.
4. Sm.: Pamyatniki pis'mennosti Dagestana. 100 pisem Shamilya. Vyp. 1. Mahachkala: Izd-vo DNTs RAN: Redakciya «Irs», 1997.
5. Sm.: *Ahmadov Ya. Z.* Ocherk istoricheskoy geografii i etnopoliticheskogo razvitiya v XVI – XVIII vekah. M., 2009.
6. *Ismailov M. A.* Istoriya gosudarstva i prava Dagestana. Ch. 1. Mahachkala: IPC DGU, 2010. S. 303.
7. Sm.: *Bushuev S. K.* Bor'ba gorcev za nezavisimost' pod rukovodstvom Shamilya. M., 1939.
8. *Runovskiy A.* Kodeks Shamilya. Voenniy sbornik. T. XXIII, otd. II. SPb., 1862.
9. Sm.: Dvizhenie gorcev Severo-Vostochnogo Kavkaza v 20 – 50-h gg. XIX v. Sb. dokumentov. Mahachkala: Dagkngoizdat, 1959.
10. *Cereteli G. V.* Vnov' naidennye pis'ma Shamilya. Tr. pervoy sessii arabistov. M.-L., 1937.
11. *Sadyhov A.* Ch. Formy upravleniya u narodov Severo-Vostochnogo Kavkaza v pervoy polovine XIX veka. Diss... k.ist.n. SPb., 2003.
12. *Runovskiy A.* Kodeks Shamilya. Voenniy sbornik № 2. SPb., 1862.
13. *Muhammad Tahir al'-Karahi* «Barikat al'-suyyuf al'-Dagistaniya fi bad al'-gazavat al'-Shamiliya» / Red. A. M. Barabanov. M.-L., 1946.
14. *Nanaeva B. B.* Tradicionnoe obschestvo chechencev: sociokul'turniy analiz. M.-Rostov n/D: Social'no-gumanitarnye znaniya, 2012. S. 152; *Maremshaova I. I.* Mentalitet v semeinyh i obschestvennyh traditsiyah: Kabarda, Balkariya, Karachay. Nal'chik, 1999.
15. Sm.: *Gadzhiev G. A.* Ontologiya prava (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo koncepta deistvitel'nosti): monografiya. M.: Norma: INFRAM, 2013.
16. Sm.: *Halifaeva A. K.* Gosudarstvenno-pravovye instituty v Dagestane v XIX veke: osnovnye tendencii i izmeneniya. Diss... k.yu.n. Mahachkala, 2004.

УДК 342.4 (470.621)

АНАЛИЗ КОНСТИТУЦИИ ШАМИЛЯ

**Гумашвили
Лабаз Элиозович**

кандидат юридических наук, профессор, старший научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института Российской Академии наук (364014, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Б. Хмельницкого А. Айдамирова), дом 141, корп. 6, кв. 85
E-mail: tugai-urt@yandex.ru

Аннотация

В статье дается анализ юридического материала Конституции (Низамов) Шамиля с учетом современного состояния классической структуры конституционного законодательства. Предложен анализ состояния развития конституционного законодательства окружающего Северный Кавказ пространства – Европы, России, мусульманского мира.

Ключевые слова: *Низами Шамиля, административное деление, вступление в брак, аппарат государства.*

Структура Низамов Шамиля по признанию их аналитиков построена от самого простого к сложному. Как представляется, их восприятие в настоящее время по истечении 150 лет будет более доступно, если за основу возьмем структуру классической современной конституции.

Известно, что было издано 13 низамов по различным отраслям права: государственному, уголовному, гражданскому, уголовно-процессуальному, семейному, финансовому и т.д. Анализ содержания низамов показывает, что они являлись системой права, совокупностью норм, регулирующих прежде всего уголовно-правовые и выгодные узденству (зажиточной и достойной части населения) иные отношения. При этом важно подчеркнуть, что какие-либо ограничения прав горцев или привилегии в зависимости от их общественного положения в низамах отсутствовали [1, с. 180].

С учетом данного исходного положения нами для начала анализа взяты низамы 8 и 9.

1. УСТРОЙСТВО ГОСУДАРСТВА (Низам 8. Административные учреждения)

Главным в имамате Шамиля был вопрос о государственном устройстве и дисциплине. Для обеспечения консультаций, вынесения рекомендаций по основным, глобальным вопросам жизнедеятельности государства в имамате Шамиля, в 1841 г. был создан Государственный совет, состоявший из известных ученых, военачальников и других выдающихся личностей. Здесь решались дела государственной важности, обсуждались необходимые реформы, территориальные вопросы, выносились судебные решения по самым сложным делам. Он являлся важнейшим правительственным учреждением имамата. Государственный Совет носил название *Диванхане*. Он формировался из доверенных лиц Шамиля, из числа наибов и старших мюридов, из среды высших богословов. В его функции входило рассмотрение общих вопросов управления, военной организации, хозяйственных мероприятий, судебных дел спорного характера.

При этом следует обратить внимание на то, что решения в Диванхане принимались простым большинством голосов, причем имам не всегда мог рассчитывать на поддержку большинства. Он только излагал дело и высказывал свое мнение. Здесь же, на Совете, заслушивались донесения наибов.

До вступления Шамиля в управление немирным краем все общества и деревни управлялись старшинами и кадиями или дебиторами, власть и влияние которых были весьма сомнительного свойства. Убедившись в бессилии этих начальств, Шамиль разделил страну на наибства (вилайатов), предоставив наибам весьма большие права. Наибства, скорее всего, можно сравнить с современными губерниями.

Наибы были полномочны отправлять правосудие и расправу по тяжким делам и по всем, касавшееся безопасности и благосостояния вверенной им части (края) единого государства. Вопросы безопасности наибства относились к их компетенции, лежали на их ответственности, а следовательно, подлежали их же разбирательству и распоряжениям.

Одним словом, им было вверено все военное управление краем, за исключением сложных наступательных предприятий, и все гражданское управление, кроме введения новых административных мер, имевших форму и силу закона.

Самые важные дела (исключения) подлежали власти имама. В частности, решения наибов о смертной казни, которые хотя и определялись наибями, однако приговоры их приводились в исполнение не иначе, как с утверждения Шамиля.

Такой порядок был установлен попозже, когда Шамиль узнал о случаях несправедливости наибов, казнивших несколько человек совершенно безвинных, из корыстных целей. Все остальное было сосредоточено в руках наибов.

Предписания к наибам содержали следующие правила:

ПОЛОЖЕНИЕ О НАИБАХ

Глава первая. Должно быть исполняемо приказание имама, все равно – будет ли оно выражено словесно, или письменно, или другими какими-либо знаками; будет ли оно согласно с мыслями получившего приказание, или несогласно, или даже в том случае, если б исполнитель считал себя умнее, воздержаннее и религиознее имама.

Глава вторая. Должно быть приводимо в исполнение приказание его векиля (представителя, назначенного им, доверенного лица) по всем необходимым делам, как, например, выходе на войну или на работу, подобно тому, как исполняется приказание самого имама, – без лицемерия. Неис-

полнивший сего наиб низводится на должность начальника сотни.

Глава третья. Когда в чьем-либо наибстве произойдет несчастье, прочие наибы должны спешить на помощь, как только узнают о том, без замедления, и оказать должную помощь, забыв все враждебные отношения друг к другу. Неисполнивший сего наиб низводится на должность начальника сотни.

Глава четвертая. Не должно быть оставляемо без взыскания, когда кто будет порицать имама, или этот низам, или службу наибов. Виновный в таком порицании наказывается выговором при народе.

Глава пятая. Не должно наговаривать (одному наибу на другого) перед имамом, хотя бы они знали друг о друге в действительности предосудительные поступки.

Глава шестая. Не должны быть беспечными относительно охранения страны своей и границ днем и ночью, невзирая на то, находятся ли границы в безопасности или в опасности от вторжения неприятеля.

Глава седьмая. Не должны одобрительно относиться к мнению народа, клонящемуся к нарушению порядка в делах необходимых, как-то: в постройке оборонительных стен, в защищении границ, пресечении неприятелю путей и прочего. Виновный в этом наиб низводится на должность начальника сотни.

Глава восьмая. Должны удерживать себя и сослуживцев своих от взяточничества, потому что взяточничество есть причина разрушения государства и порядка. Взятка отбирается, поступок оглашается и виновный арестовывается на 10 дней и 10 ночей.

Глава девятая. Если войска отправятся в какую-нибудь страну с имамом или с тем, кому он поручит предводительство над ними, то они должны идти в порядке, куда поведет их старший, – каждая часть под значком наиба своего, отнюдь не смешиваясь с другими частями. Нарушитель порядка сего наказывается публичным выговором.

Глава десятая. Если случится, что обстоятельства сражения заставят сделать нападение или обратиться в бегство, то этого не следует делать в рассыпную, в беспорядке, и не должны оставлять сзади себя имама или его поверенного, на произвол судьбы; напротив, должны окружать его и не делать без него ни одного шагу вперед. Виновный наиб смещается и записывается в низам (т. е. в рядовые).

Глава одиннадцатая. Когда останутся в городе, селении или в провинции, то не должны грабить или другим изменническим образом завладеть какой бы то ни было вещью, – без позволения имама или его векиля. – Виновный наиб низводится на должность начальника сотни.

Глава двенадцатая. Каждый отряд охраняет порученное ему место, и если место открытое, то защита делается посредством возведения стен и проч. – Наибы не должны уходить из мест, которые охраняют, без разрешения имама или его векиля. – Виновный наиб записывается в низам (т. е. в рядовые).

Глава тринадцатая. Не должны никогда открывать секретов имама и других (наибов) ни семейству своему, ни братьям, ни мюридам своим, потому что распространение секретов есть одно из главных орудий вреда и нарушения порядка страны; поэтому всеми средствами должно стараться сохранять тайну. Некто сказал: «Когда будут открыты тайны, то дело дойдет до гибели». Виновный наказывается 15-ти дневным арестом.

Глава четырнадцатая. (Наибы) должны оставить решение дел по шариату муфтиям и кадиям и не входить в разбирательство тяжб, хотя бы были и алимами (учеными исламоведами). Им предоставляется вести дела только военные.

Сим низамом запрещается вручать одному лицу две должности, чтобы устранить всякое сомнение народа относительно наиба и пресечь всякие дурные и подозрительные помышления о нем. Виновный наказывается выговором при народе.

Административное деление. Различные данные об административном делении и системе управления в имамате говорят о том, что его территория состояла из трех областей: – Чеченской, Аварской и Андалальской, поделенных на 16 округов, не равных по территории и численности. Эти округа, насчитывавшие от нескольких тысяч дворов до нескольких сотен, управлялись наибами и назывались соответственно наибствами. Размеры и количество наибств за период существования имамата менялись неоднократно.

Всего за время имамства Шамиля было организовано 52 наибства: Авария, Андия, Анкратль, Анцух, Аух, Багулал, Бактлук, Ботлих, Балаханы, Гергебиль, Гехй, Гимры, Гидатль, Гоцатль, Гумбет, Джалк, Ириб, Ичачали, Ичкери, Каратинское, Карах, Калалаль, Койсубу, Конада, Мичик, Мук-Ор, Мукратель, Нах-Бак, Нашах, Унцукуль, Рис-Ор, Салатау, Сильдинское, Сугратль, Технусаль, Тилитль, Тиндй, Ункратль, Хараха, Хидатль,

Хулхулау, Цунта, Чамалаль, Чарбили, Чепарское, Большая Чечня, Малая Чечня, Чох, Шубут, Шали, Шаро. Размеры наибств изменялись в зависимости от успехов и поражения мюридов. То же самое следует сказать и о числе наибств, наибольшее количество которых было в 40-х годах XIX столетия, во время высшего подъема мюридистского движения. Более или менее «постоянное число» наибств в государстве Шамиля равнялось примерно двум десяткам.

На территории Чечено-Ингушетии в начале 40-х годов XIX в. первоначально было учреждено несколько крупных наибств – таких, как наибство «Шубута и Джаберла», Галашкинское. Впоследствии неоднократно проводились реорганизации, приводившие к изменению границ округов и даже к их дроблению на менее крупные участки. Границы наибств не всегда могли совпадать со сложившимся традиционным делением обществ и народностей. На формировании территориальных границ округов сказывались военные действия, приводившие или к увеличению, или к уменьшению территорий наибств. В период Кавказской войны народы Чечни и Ингушетии выдвинули в лице наибов немало талантливых государственных руководителей, обладавших и военными способностями. В историю освободительного движения вписали свои имена военачальники и наибы – Шуаип-мулла Центороевский, Уллуби Ауховский, Талхиг, Джаватхан Шатоевский, Алдым Аккинский, Байсангур Беноевский, автор реформ Шамиля – Юсуф-Хаджи Сафаров, а также Дуба Саадулла, Атабай и др.

Наибы, составлявшие высшее звено гражданского и военного управления имамата, подчинялись в свою очередь *мудиру* руководителю области, провинции. Как правило, на должность мудира назначался один из наибов какого-либо крупного участка. Так, талантливый наиб Кибит-Магома получил в «заведывание» семь других наибств Дагестана, Мичиковскому наибу Шуаипу-мулле в военном отношении были подчинены два наибства.

Практические права и функции наибов заключались в следующем: они «имели в руках власть судебную и исполнительную... наибы были обязаны приводить в исполнение все распоряжения Шамиля и непосредственно сноситься с ним в делах управления», кроме того, на них возлагалась организация защиты наибства от парских войск, сбор ополчений и руководство ими, сбор налогов,

наблюдение за исполнением шариата, суд и расправа, рассмотрение жалоб и расследование нарушений и т.д.

Наибства делились на *участки* под управлением *мазунов*, в селениях же власть находилась в руках *старшин, кадиев и мулл*. Кадии и старшины избирались народом, но по представлению наибов, и утверждались в своих должностях Шамилем.

При наибах крупных округов находились *муфтии* – духовные авторитеты, ведавшие вопросами суда; им подчинялись кадии и муллы.

В ведомстве наиба состояли *муртазагеты* – постоянные воины, набираемые из расчета 1 всадник от 10 дворов, и народные ополченцы, набираемые из расчета 1 человек от 1 двора. Имелся отряд регулярной пехоты и регулярная конница, созданной на основе рекрутской повинности. Каждые десять дворов обязаны были выставить и содержать одного вооруженного всадника (муртазик). В зависимости от числа ополченцев и муртазагетов в своем округе наибы имели военные звания.

Наибы не получали содержания из казны государства и должны были пользоваться частью общеимаматских налогов, взимавшихся в его округе. Некоторые высшие чиновники пытались использовать даровой труд подвластных людей, брали взятки, прибегали к разным поборам, утаивали налоги. Все это вызывало суровые расправы со стороны Шамиля, за наибами велось неустанное явное и тайное наблюдение специальными *инспекторами-мухтесибами*, проступки наибов сурово преследовались, а имущество подвергалось конфискации.

Дела тяжёбые (гражданские) разбирались по смыслу Корана дебирами (или муллами), кадиями и муфтиями. В каждом селении было несколько мулл, но из них только один обладал властью градоначальника. Муфтий назначался в каждом наибстве и, сверх того, в каждом почему-нибудь, особенно замечательном селении.

Приговоры всех этих лиц передавались для исполнения наибам в тех случаях, когда с какой-нибудь стороны обнаруживалось нежелание покориться решению шариата добровольно. Тогда наиб требовал к себе судящихся и решал дело в одну минуту, согласно объявленному их толкованию судьей.

Правила рассмотрения дел дебирами (или муллами), кадиями и муфтиями:

О делах, подлежащих ведению муфтиев и кадиев

Глава первая. Муфтии поставляют в районах своего ведомства кадиев. Если к нему обратятся за объяснением какого бы то ни было судебного вопроса, то он решает оный согласно положительным постановлениям шариата. Если и нему придут судиться, то он должен решать дело справедливо. Если он заметит где-либо отступление от правил шариата, то устраняет оное и направляет дело по пути. Если же не в состоянии будет сделать этого, то извещает об этом наиба. По временам муфтий обязан обращаться к народу с наставлениями и в речи своей не должен порицать поступков наиба каким-нибудь намеком или общим содержанием речи. Он заведывает делами мечетей своего района и проверяет решения своих кадиев.

Глава вторая. Об обязанностях кадиев. Кадий должен иметь надлежащий надзор за своей мечетью и своим приходом и должен исполнять все требы, до него относящиеся, как-то: молитвы, погребение усопших, джуму, отправление положенной службы во время двух праздников; он решает споры, возникающие между членами его прихода, и говорит наставления каждую пятницу. – Если же он будет затрудняться в решении чего бы то ни было, то должен обращаться к муфтию. – Кадий должен повиноваться муфтию во всех положениях, касающихся религии.

В заключение к этим двум главам нужно прибавить, что каждый – законовед, ученый, муфтий и кадий – должен быть, по первому же движению войска, выступить в поход против неверных; если не будут сражаться руками, то пусть сражаются языками: наставляют, предостерегают, побуждают к тому, что Бог обещал сражающимся.

О наказаниях, коим подвергаются сотенные начальники, десятские и рядовые

За что наиб низводится на должность сотенного, за то же самое сотенный низводится в десятские и, кроме того, подвергается аресту на 10 дней. За это же самое смещается десятский и записывается в низам, т. е. в рядовые, и наказывается еще 15 ударами плети. – Рядовой же подвергается аресту на 15 дней и наказывается 15 ударами.

За что наиб низводится в десятские, за то же сотенный записывается в рядовые и, кроме того, подвергается девятнадцатидневному аресту и наказывается 21 ударом плети: десятские записываются в рядовые, наказываются на 29 дней арестом и 21 ударом плети, а рядовой подвергается аресту на 21 день и наказывается 39 ударами плети.

За что подвергается публичному выговору наиб, за то же сотенный начальник наказывается 31 ударом плети и подвергается трехдневному аресту; десятский за то же наказывается 39 ударами плети и подвергается 7-дневному аресту, а рядовой подвергается аресту также на 7 дней и, наказывается 39 ударами плети, и, сверх того, всем им делается посрамляющий выговор при народе.

За что наиб подвергается выговору и аресту после открытия и отобрания взятки, сотенный начальник наказывается 39 ударами плети и подвергается пятнадцатидневному аресту; десятский наказывается 39 ударами плети и подвергается 21-дневному аресту, рядовой же подвергается пятнадцатидневному аресту и наказывается 15 ударами плети.

За что смещается наиб и записывается в рядовые, за то же самое сотенный начальник сменяется, подвергается месячному аресту и записывается в рядовые с лишением права быть когда-либо повышенным; десятский сменяется, подвергается месячному аресту и наказывается 39 ударами плети; рядовой же только подвергается месячному аресту.

За что наиб подвергается пятнадцатидневному аресту, за то же самое сотенный начальник подвергается месячному аресту и наказывается 31 ударом плети; десятский – тоже месячному аресту и наказывается 39 ударами плети; рядовой же подвергается только месячному аресту.

2. ФИНАНСЫ И БЮДЖЕТ, ИХ ФОРМИРОВАНИЕ И РАСХОДОВАНИЕ

(Низам 9. Общественная казна и содержание административных лиц)

Одним из центральных вопросов имамата Шамиля являлся вопрос и финансовом о бюджетном обеспечении деятельности аппарата государства.

В прежнее время, до образования в Дагестане имамата, страна давала содержание только ханам, бекам (дворянам) и дебирам, или градоначальникам. Потребные для этого подати установлены были еще во времена Аббасидов, явившихся в Дагестане в шестом столетии хиджры с целью распространения ислама. Подробности этого нашествия сохранились в книге Мухаммеда-Рафи и дополнены изустными преданиями горцев, их собственными комментариями [2, с. 90 – 113]. Через это составилось сказание, объясняющее весьма многие факты, в том числе происхождение даге-

станской аристократии и существовавшие до Шамиля системы податей.

Утвердившись первоначально в прибрежной части Дагестана (именно в шамхальских владениях), аббасиды обращали внимание на соседские земли. Направляя туда своих воинственных миссионеров, они приказывали им распространять ислам, смотря по обстоятельствам, силой убеждений или силой оружия, с таким расчетом, чтобы в первом случае освободить прозелитов от всяких податей и повинностей или же облагать ими в самых незначительных размерах, а в последнем предавать непокорных и принадлежащее им имущество огню и мечу начиная с их повелителей. Из числа посланных аббасидами предводителей родственник их, Абу-Муслим, занял Аварию. В самом непродолжительном времени он лишил страну оборонительных средств и заставил ее население принять ислам. Тогдашний владетель Аварии, Суракат, не видя возможности отстоять свою власть силою оружия, скрылся в тущобах соседней Тушетии, которую Шамиль называет «Туш» и «Мосок», и там через некоторое время умер. Предание называет Абу-Муслима самым умным и самым дельным из всех аббасидов – завоевателей Дагестана.

Деятельно занимаясь распространением ислама, Абу-Муслим в то же время обращал особенное внимание на внутреннее устройство края. Согласно наставлениям пославших его аббасидов он приказал составить на случай упорства населения к принятию ислама ясные и точные правила для взимания податей в самых обременительных размерах. В первое время его управления, когда народ выказал еще некоторое упорство, правила эти были в полном действии. Но потом, заметив, в какой степени они угнетают население, и убедившись, к тому же в совершенной его покорности, по крайней мере наружной, Абу-Муслим прекратил действие своего закона и обложил страну самой незначительной податью. Вместе с тем, желая доставить существованию исламизма в Аварии более надежные ручательства, он объявил, что изданные им правила снова войдут в свою силу тотчас, как только народ вздумает уклониться от новой религии.

Организация государственной казны являлась существенным шагом при создании нового централизованного государства. Для обеспечения военных потребностей, общественных расходов, содержания армии и аппарата управления в Имамате была утверждена финансовая система, сред-

ства от которой стекались в общественную казну – *байтулмал*. Байтулмал состоял как из денежных средств, так и из государственных фондов земель, материальных ценностей, арсеналов оружия, поголовья домашних животных. Источниками составления байтулмала служили различные статьи доходов, которые Шамиль старался вводить исходя из степени обеспеченности населения. Он законодательно «дифференцировал налоги с населения в общественную казну, чтобы бедные слои населения платили только по мере возможности», причем в виде налогов можно было вносить любые товарно-материальные ценности.

С состоятельных слоев населения налог был определен в следующих размерах: один баран из ста баранов в год натурой и в среднем 50 копеек с 10 рублей дохода в год деньгами. Большинство людей обществ Хоточ, Хиндах, Тлох, Муну и Гуниб не знали тягот войны. Имам освободил их для заготовки селитры, наложил на каждую семью налог размером в полтора тумана (15 рублей) наличными в год. Беднейшим слоям населения сам Шамиль оказывал материальную помощь из фондов байтулмала, что является самым значительным предписанием шариата. Шамиль также давал соответствующие распоряжения по распределению *зеката* между имеющими на него право, выявляя, кто из бедствующих нуждается более другого, и увеличивал его долю.

Низам определял также перечисление в байтулмал средств, пущенных в оборот в нарушение положений закона о гражданских делах. Села, освобожденные от воинской повинности, должны были сдавать в казну часть добытой соли и селитры. Кроме того, излишки этого товара они обязаны были продавать имаму по твердым ценам [3, с. 1398 – 1399]. Впрочем, фискальные обязанности, например, четырех сел Тушинского участка, плативших харадж аварскому хану, оставались прежними, единственное отличие заключалось в том, что теперь налоги поступали в байтулмал.

По официальным источникам казна расходовалась главным образом 1) на ученых-арабистов; 2) на бедных сирот; 3) на инвалидов; 4) на специальные расходы для нужд [4; 5, с. 345 – 346].

Низам о содержании административных лиц распространялся на наибов, мазунов, муфтиев, кадиев и тателей – судебных исполнителей. На казенном содержании находились и определенные низамом категории военнослужащих. Твердого содержания для должностных лиц не было опре-

делено, источники содержания часто менялись, что приводило к частым злоупотреблениям положением со стороны должностных лиц в корыстных целях. Против таких эксцессов была направлена ст. 8 «Положения о набах»: «Должны удерживать себя и сослуживцев своих отъ взяточества, потому что взяточество есть причина разрушения государства и порядка. Взятка отбирается, поступок оглашается и виновный подвергается аресту на 10 дней и 10 ночей» [6, с. 9].

В имамате Шамиля была создана система налогов для финансового и продовольственного обеспечения государственных органов и ведения войны с царской Россией. Шариатская казна имела ряд источников поступления, основным из которых был *закят* – процент, взимаемый с ежегодного урожая и приплода скота, а также – с денежных доходов.

Минимальный общий размер сбора составлял: с хлеба – 523102 меры, с овец – 3200 голов, с денег – 3200 рублей. В отдельные годы доходы могли вдвое превышать указанные цифры. Немало давали казне и поступления с земель и пастбищ, конфискованных у феодалов, а также урожаем с мечетских земель. В казну государства шла 5-я часть военной добычи.

В зависимости от имущественного состояния населения тех или иных обществ размер налога варьировался. Более всего от налоговой политики Шамиля страдали зажиточные горцы, на них часто накладывались штрафы и производились конфискации.

За исключением денежных сборов, поступавших непосредственно в государственную казну, хлебный налог большей частью использовался на местные нужды – на содержание наба и его администрации, для обеспечения вдов, сирот и беженцев. Имам требовал от набов делить *закят* по справедливости: «Кто беднее, тому больше».

3. СИЛОВЫЕ ВЕДОМСТВА ГОСУДАРСТВА (Низам 12. Военные учреждения)

Распоряжения Шамиля, вызванные военными обстоятельствами, были разнообразны. Прежде всего к этому низаму следует отнести разделение войск на части и учреждение военной иерархии, с которой до тех пор горцы были незнакомы и в состав которой вошли набы, пятисотенные, сотники, пятидесятники и десятники. Все они так же, как и простые воины, никакого содержания от казны не получали и вооружались тоже собственными

средствами, за небольшим только исключением, о котором было сказано выше.

Военная организация. Имамат возник в условиях войны и являлся ее порождением. Это было государство военного типа. Каждый совершеннолетний мужчина считался военнообязанным и должен был иметь наготове исправное оружие и учиться владеть им. По различным оценкам общее ополчение населения государства составляло 30 – 40 тыс. человек Народное ополчение было разбито на отряды по 50, 100 и 500 человек, имевшие своих постоянных начальников. Ими были муртазагеты, мазуны и набы.

Как правило, народное ополчение никогда не собиралось в один кулак, оно выставлялось от части набства в одном из нескольких угрожающих направлений в виде частных ополчений. По свидетельству сподвижника Шамиля – Гаджи-Али, в ходе важнейших военных действий имамата численность войск, собранных в один кулак, никогда не превышала 12 – 15 тыс. человек.

При Шамиле было создано подобие регулярной армии – *муртазеки (конница)* и *низамы (пехота)*. В обычное время численность войск Имамата составляла до 15 тыс. человек, максимально при тотальном собрании – 40 тыс. человек. Артиллерия Имамата насчитывала 50 орудий, большая часть которых были трофейными (Со временем горцы создали собственные заводы по производству пушек и снарядов, впрочем, уступавших европейской и русской продукции).

Основу военных сил имамата составляло постоянное войско из 5580 конных и 8870 пеших муртазиков. Набства Чечни выставляли 1420 конных и 2400 пеших воинов. Муртазикаты, особенно из личной стражи Шамиля, относились к наиболее боеспособной части населения.

В числе постоянных воинских частей имамата был и русский батальон беглых солдат и бывших военнопленных. Русские солдаты, не желавшие участвовать в несправедливой войне против горцев, получали в имамате благоприятный прием, закрепленный официальным постановлением съезда народных представителей и приказами Шамиля. В начале 40-х гг. XIX в. только в столице Ведено проживало до 500 русских солдат. «Живут, довольно хорошо и своевольны в своих поступках», – говорилось о них в документах. Солдаты регулярно проводили военные учения, были заняты в охранной службе ставки имама, занимались ремонтом артиллерийских орудий и обучением горцев стрельбе из пушек.

Надо отметить, что организация артиллерийского дела в имамате была попыткой противостоять технической мощи царской армии, огнем своих орудий превращавшей в руины горские аулы. Причем горцы показали себя с самого начала искусными бойцами, они не раз подавляли огнем батареи царских войск. В ставке Шамиля было налажено производство пороха, ядер, картечи, а впоследствии и орудийных стволов. Были сделаны попытки изготовления «конгревых» ракет. К 1859 г. весь артиллерийский парк государства не превышал 50 орудий. Шамиль был вынужден с горечью отметить в письме к французскому дипломату: «У нас нет ни оружия, ни всего необходимого для продолжения войны против неприятеля, столь превосходящего нас численностью и снабжением и ведущего войну такими варварскими способами». Единственное, чем горцы превосходили противника, это холодное и стрелковое оружие, да и то до введения штуцеров в русской армии в 50-х годах XIX в.

Военная организация имамата жестко привязана к ограниченным экономическим и людским ресурсам горного края. Некоторые мероприятия по созданию воинских частей европейского образца не увенчались успехом, так как горцы были слишком малочисленны, чтобы достигнуть перевеса в крупных полевых сражениях.

Необходимо отметить, что в армии Шамиля вводились воинские звания. Отличившиеся бойцы и военачальники получали почетное оружие, наградные знаки и пенсии.

Относительно продовольствия следует сказать, что каждый горец обязан был запастись им на собственный счет. Так было и до Шамиля, когда самые продолжительные отлучки горцев из своих домов ограничивались несколькими днями. На этот срок нетрудно было взять с собой продовольствие и пешему воину, конному же и по давню. Но с тех пор, как некоторые укрепленные пункты Дагестана начали подвергаться долговременной осаде, а хлебородная Чечня поставлена была в необходимость выдерживать продолжительные экспедиции, прежний порядок, конечно, должен был или измениться, или утвердиться на более прочных основах. С этой целью Шамиль обязал дагестанских наибов, проходивших со своими лезгинами в Чечню, запастись всяким продовольствием на известный срок. Под словом «продовольствие» разумелись бараны, хлеб и соль. Все это закупалось для бедных людей на счет сумм,

бывших в распоряжении наибов, а также и присылаемых иногда из Ведено. Достаточные же воины обязаны были заготавливать продовольствие на собственный счет и по мере надобности перевозить его к театру военных действий па ишака». Если же по случаю неурожая в Дагестане предвиделся в провианте недостаток, тогда чеченцы должны были в силу шамилевского Низама продавать свои запасы наибам по ценам настоящим, «чеченским». При этом условия цены назначались те самые, которые существовали во время последнего урожая. Продовольствие для людей закупалось и в этом случае на их собственные деньги.

Такой же точно порядок существовал и в Дагестане во время продолжительной осады укрепленных мест, с той только разницей, что для защитников их гораздо было удобнее обеспечивать себя продовольствием в местах своей оседлости, нежели в отдалении от них.

Шамиль особо обращал внимание на дисциплину государственной, и в частности военной, службы на уклонение от службы. Налагая денежный штраф на людей, уклонявшихся от похода или вообще от воинской повинности, Шамиль руководствовался пословицей «лучше просидеть год в яме, чем пробыть месяц в походе». Пословица вылилась из уст народа под влиянием жалости и изнурения, порождавшихся войной, которая, по словам самого Шамиля, в последнее время сильно опротивела большинству населения. В прежнее время, до издания этого низама, тюремное заключение весьма немного страшило горца, оно не расстраивало его домашних дел, лежавших обыкновенно на плечах жены, на шее быка и на спине ишака, а в некоторых случаях дела эти шли без него даже лучше, нежели при нем. Не совсем свежий воздух ямы тоже не составлял для него особенной неприятности, потому что в некоторых обществах, где домашние животные проводили зиму в одном помещении со своими хозяевами, атмосфера помещения с атмосферой ямы была совершенно одинакова. Наконец, если для некоторых преступных личностей тюремное заключение и составляло действительную неприятность, то она с лихвой вознаграждалась праздностью, этой привилегией горских тюрем, склонность к которой была привита и развита в горах тою же войною.

Именно так понимал Шамиль взгляд горцев на тюремное заключение и на приведенную пословицу. Чтобы изменить этот порядок вещей без кровопролития, он прибавил к тюремному заклю-

чению денежную пеню. Размеры ее были 20 коп за каждую ночь трехмесячного ареста. Взыскание это смягчалось в тех только случаях, когда причины уклонения оказывались вполне уважительными. Тогда, не освобождая совсем виновного от денежного штрафа, назначали его не в очередь в поход, на то именно время, которое пробыли на службе его товарищи.

Мера эта оказалась эффективною, потому что не только заботившиеся о своем хозяйстве люди бросали лень или упрямство и шли в назначенные им места беспрекословно, но и сами жены горцев, в ограждение своего хозяйства от неминуемого разорения, а уже, по меньшей мере, от разстройства, старались всеми силами убедить своих трусливых или упрямых мужей идти в поход, а иногда указывали даже тайком места, где они укрывались. К этому же роду наказаний можно отнести и «эзекуцию», потому что потребные для содержания эзекуционных войск произведения земли тоже рассчитывались наличной монетой.

Эзекуции назначались в немирном крае с той же целью, с которой назначаются они у нас, то есть за послушание предрержавшей власти. Сущность и подробности их такие же, но с той разницей, что мера эта употреблялась в горах в отношении не целого населения какой-нибудь деревни, а только некоторой его части, нередко даже в отношении немногих отдельных лиц. Ослушание же или непокорность всей деревни или большинства населения вызывали меры иные: смертную казнь «многих» зачинщиков, выселение по разным обществам целой деревни и проч. Эзекуции назначались только в Чечне и очень редко в соседних с ней обществах: Шатое, Ичкерии, Аухе и в других. Дагестанские же племена этого не требовали: находясь под властью Шамиля, они всегда были покорны поставленным от него начальствам. Исключения же в этом роде, а также пристрастие к вину наказывались совсем иначе. В Чечне происходило совершенно противное: по свойственному чеченцам духу своеволия они переходили к нам иногда целыми обществами не потому, чтобы под русским управлением надеялись найти лучший порядок вещей, но единственно потому, что им давали, например, не того наиба или иного начальника, которого они сами хотели, а того, который назначался Шамилем. При этом требования их по большей части не имели ни малейшего основания, так как часто они совсем и не знали назначавшегося к ним наиба, это случалось довольно редко. Частных же, менее значительных

случаев неповиновения чеченцев властям, встречалось так много, что они составляли особенность, которая, при любом управлении требовали самого пристального внимания. Отказ без всяких побудительных причин идти на войну, послушание во всех других видах беспрестанно вызывали меры, направлены на обращения своевольных чеченцев к покорности, так что эзекуции, можно сказать, существовали в Чечне постоянно: почти не было той деревни, которая не видала бы у себя эзекуции хоть один раз. Это случалось преимущественно во время продолжительных экспедиций по Чечне. Эзекуционными войсками всегда были тавлинцы (дагестанцы). Они располагались в домах непослушных обывателей, как в своих собственных, и, действительно, очень скоро обращали их к повиновению без всякого кровопролития. В этих случаях население деревень смотрело на стеснение своих сограждан довольно равнодушно; по крайней мере, не было примера, чтобы эзекуции возбуждали общее неудовольствие или восстание. Действие эзекуции прекращалось тотчас, как только виновные представляли доказательства покорности. В прежнее время эзекуция в немирном крае была неизвестна: она была введена по настоянию сына Шамиля, Гази-Муххамеда, имевшего в виду две цели: избежание взысканий более жестоких и дать возможность отдохнуть от голодной жизни беднейшим из воинов. В случае надобности эзекуции назначались по распоряжению самих наибов даже без ведома Шамиля. При этом низами предусматривали поощрения за участие военных походов.

4. СИСТЕМА РАЗДЕЛА ДОБЫТОГО В ВОЕННЫХ ПОХОДАХ ДОБРА (Низам 10. Раздел добычи)

Для раздела добычи, взятой на войне, шариатом установлены особые правила, в которых Шамиль допустил изменения сообразно тогдашнему положению страны и ее потребностям. Но если бы он и не сделал изменений, а только распорядился бы принять эти правила к руководству, то и тогда была бы с его стороны большая заслуга, потому что до вступления его в управление краем правила эти или совсем были неизвестны, а если и употреблялись при первых имамах, то без всякого порядка и соображения, что весьма нередко служило поводом к недоразумениям и ссорам. Шамиль же, при всех недостатках своей администрации, строго придерживался избранной системы. По правилам шариата вся добыча делится на пять равных ча-

стей, из которых четыре выделяются поровну участвовавшим в захвате ее, а остальная часть «хумус» (*пятая часть*) делится тоже поровну на следующие пять паев: 1) завиль-курба; 2) маса-алех; 3) ибн-сабиль; 4) масакин; 5) фукара. Сущность и назначение их следующие:

Завиль-курба (близкие пророку люди). Этот пай назначен для потомства Корейш племени, к которому принадлежал пророк Мухаммед. Представителями его в Дагестане за время Шамиля были 13 семейств, численностью около двухсот человек взрослых и малолетних мужского и женского пола. Главами их считались следующие лица: известный Джемалэддин, тесть Шамиля, Хуссейн, Нуреддин, Буттай, Сагид, Хассан-Хуссейн, Исяк, Абдулла с сыном Сагидом, Хаджи, Мухаммед, Наджмуддин, Курбан-Мухаммед и еще две женщины, по имени неизвестные, вышедшие замуж за людей, не принадлежавших к племени Корейша. Все они казикумухцы и носят общее название «сеидов». Члены этой фамилии начинали пользоваться своей привилегией со дня рождения. Поэтому число пенсионеров завиль-куба никогда не уменьшалось, а, напротив, увеличивалось, потому что права на пансион, кроме умерших, лишались только дети женщин, выходявших замуж за людей чужого племени, сами же матери продолжали им пользоваться до смерти. Точно так же и дети мужчин племени Корейша, рожденные от женщин посторонних фамилий, считаются наравне с прочими потомками пророка; но матери их не пользуются этой привилегией.

Такие условия послужили основанием обычая выдавать замуж девушек племени Корейша за своих родичей. Исключением из правила могла быть или уж чересчур сильная любовь, способная побудить девушку к побегу из родительского дома, или перспектива блестящей партии, какой, например, представлялась в лице Шамиля для дочери Джемалэдина, Зейдат. Впрочем, в этом браке главными двигателями были совсем другие причины.

Ибн-Сабиль («сын божьего пути»). Деньги эти назначены для пособия мекканским пилигримам и еще людям, отправляющимся на войну против христиан и встречающим недостаток в каких-либо военных принадлежностях. В обоих случаях пособие выдается безвозвратно, но в последнем с таким условием, что все предметы, приобретенные на эти деньги, воин обязан тотчас по окончании военных действий изъять из употребления и оста-

вить их неприкосновенными до другого подобного же случая. Это по шариату. Но Шамиль распорядился несколько иначе: дозволив путешествие в Мекку только людям очень старым, по образу мыслей вполне благонадежным и притом зажиточным в той степени, чтобы могли обойтись и без указанного шариатом пособия. Он увидел в своем распоряжении весьма значительную сумму, которую и не замедлил обратить на военные потребности, присоединив ее к общественной казне, о которой он больше всего заботился. Нужды же людей, способных к войне, но бедных хотя бы удовлетворились за счет этого же пая, но такие расходы были весьма невелики, потому что оружие, например, выдавалось нуждавшимся из общественного арсенала (при доме Шамиля), лошадь – из общественных табунов, рабочий скот и бараны – из общественных же стад. Следовательно, деньги нужны были только на покупку различных принадлежностей одежды, что, конечно, требовало весьма немногого.

Масакин («недостаточные люди»). Бедных людей в Дагестане было так много, что если бы Шамиль вздумал придерживаться условий «масакина» с той строгостью, которая указана шариатом, то он должен был бы оделять этими деньгами девятнадцать двадцатых всего населения. Поэтому, чтобы не обидеть никого, а вместе с тем, чтобы усилить способы помощи людям, лишенных средства к существованию, которых в Дагестане тоже было немало, Шамиль присоединил сумму масакин к сумме фукара («нищие»).

Само название этого пая говорит о его назначении. К разряду нищих Шамиль причислил круглых сирот, калек, людей, разоренных войной, и вообще всех лишенных возможности добывать пропитание собственным трудом. Все такие люди получали из означенных сумм пособие, обеспечивавшее существование их на довольно продолжительное время. Впрочем, эти условия назначены шариатом, который путешествие к святым местам делал обязательным только для людей зажиточных. Но, конечно, если путешествие предпримет бедный человек, то это еще скорее доставит спасение его душе, без всякого сомнения.

5. ПОРЯДОК ВСТУПЛЕНИЯ В БРАК (Низам 4. По брачным делам)

Весьма обстоятельно были урегулированы семейно-брачные отношения. Первоначально ни-

зам этот был установлен для одной Чечни, где, говоря собственными словами Шамиля, он застал «множество девок с седыми волосами и совсем дряхлых стариков, весь свой век проживших холостыми». Причина этого явления заключалась в непомерно больших размерах калыма (от 80 – 200 р. сер.), который большинство населения не в состоянии было внести, особенно при тогдашних военных обстоятельствах, препятствовавших улучшению домашнего быта людей. Прямым последствием такого порядка вещей были беспрестанные побеги молодых людей обоих полов, безнравственность и убийства. Несмотря на то, что побеги завершались большей частью законным браком, они все-таки признавались в общественном мнении бесчестьем и всегда возбуждали между двумя семьями ненависть, вызывавшую жестокое мщение. Сопровождавшие его смертные случаи не составляли канлы, а были простым убийством, тем не менее простительным. Оно распространялось в одинаковой степени как на любовников, так и на их родных, часто и не знавших о том, что случилось.

С целью избавить семейства от позора и гибели, а вместе с тем прекратить в стране беспорядки, которые порождались ошибочным направлением общественного мнения, Шамиль собрал старшин из всех чеченских обществ и, объяснив им всю несообразность существующего у них обычая и плачевные его результаты, предложил избрать меры к устранению их на будущее время. С доводами Шамиля старшины согласились, но придумать средства против указанного им зла они не могли или не хотели. Тогда Шамиль предложил им установить для калыма норму, которой придерживался сам пророк, от 10 – 20 рублей.

Зная очень хорошо, что грозный предводитель спрашивает их мнение о том, что сам он давно уже обдумал и решил привести в исполнение, старшины изъявили полное свое согласие, но только просила прибавить к назначенной им цифре еще от 6 – 8 руб., собственно на свадебные издержки.

Очень довольный тем, что дело обходится без затруднений, которые он ожидал встретить, Шамиль поспешил сделать уступку и со своей стороны, приняв в соображение то обстоятельство, что спорные восемь рублей не составят для чеченцев такой разницы, как у дагестанцев. Сделав то, что было нужно для доставления молодым людям возможности налагать на себя брачные узы мирным путем, Шамиль в то же время принял меры,

чтобы воспрепятствовать соединению их прежним способом. Обыкновенно беглые любовники, оставляя родительский кров, спешили явиться в какой-нибудь Гретна-Грин, роль которого разыгрывало в Чечне каждое из ее селений, где только был мулла или просто грамотный человек, знавший подробности всякого рода богослужения. Попросив его совершить над ними брачный обряд, они становились законными супругами, которых никакая сила не могла разлучить (20 рублей – калым девушки, 10 – вдовы) и уверенности в том, что предложение будет исполнено в непродолжительном времени. Но случалось нередко, что собеседник наиба или упрямылся, отстаивая свои права, или, в виде препятствия, представлял трудность найти жениха в своем околке. Тогда последнему указывали на другие селения, где было много молодых людей, нуждавшихся в подруге жизни; потом им обоим давали месяц срока для выдачи родственниц их замуж. Если через месяц совет наиба не был исполнен, то глава семейства подвергался заключению в яму, где и содержался до тех пор, пока девушка не выходила замуж. Другое, в этом же роде, правило было вызвано действиями родителей невесты, которые по разным, более или менее уважительным причинам позволяли себе отказывать женихам, уже объявленным и укрепившим свои будущие права обычными приношениями или подарками.

Такие случаи встречались весьма часто и точно так же, как и всякий спор или малейшее несогласие, возбуждали между горцами ссоры, иногда весьма кровавые. Кроме необходимости прекратить это зло, Шамиль, считавший увеличение народонаселения делом первой важности, не хотел откладывать его ни на одну минуту и на этом основании парализовал произвол или право родителей, законом, предписывавшим выдавать девушек замуж, невзирая ни на какие препятствия, если только предложение жениха однажды было принято. Ослушников ожидала яма, в которой они содержались до тех пор, пока девушка не выходила замуж. Что касается отказа со стороны жениха, то предоставленное ему шариатом право делать это безнаказанно было оставлено Шамилем без всякого изменения.

Вот настоящий смысл распоряжения Шамиля относительно устройства возможно большего числа браков. Но главная его идея заключалась все-таки в том, чтобы избавить легкомысленных девушек от действия неумолимого закона, а семейства их от бесславия. Мысль прекрасная и, по сло-

вам Шамиля, вполне соответствовавшая характеру горцев и их потребностям, но мы уже знаем, до какой степени она была извращена наибогами, обратившими ее в одну из отраслей своих доходов.

6. ПОРЯДОК РАЗВОДА (Низам 5. По бракоразводным делам)

Расторжение брачных союзов составляет одно из наиболее частых явлений в семейном быту горцев. Легкость, с которою совершается это дело, имеет прямую связь с постановлениями религии, окружившей мусульманскую женщину самыми неблагоприятными условиями. Причины же, побуждающие горцев к разводу, редко бывают основательны, а в прежнее время, до распространения в немирном крае шариата, разводы совершались, можно сказать, без всяких причин: пьяный горец скажет своей жене иногда совсем бессознательно известный термин: «Я тебя (имя жены) отпускаю тройным разводом», и разводный акт совершен. Нередко случалось, что после развода мужа снова женились на разведенных женах, но тем не менее женщина получала уже доказательства своего бесилия, бесславия и незащитности.

Таким образом, шариат оказал дагестанской женщине ту услугу что избавил ее, по-крайней мере, от пьяного мужа. Правду сказать, для самолюбия ее тут было сделано немного: изменение это коснулось женщины только мимоходом и вовсе не относилось лично к ней. Но и здесь уже было облегчение, способное возбудить в женщине – если только она не окончательно лишилась самосознания – светлые надежды на будущее. Однако надеждам этим долго не суждено было осуществиться, потому что с введением шариата или, вернее, с прекращением пьянства, число разводов хотя и уменьшилось, но до издания шамилевского низама они еще представляли собою явление довольно обыкновенное. Причину этого теперь следует искать в незначительности калыма, который платили горцы за своих жен, сообразуясь с установленной законодателем их нормой. Мы уже знаем, что противоречия и несообразности, существовавшие по этому делу в народных обычаях, Шамиль разрешил по-своему, коротко и ясно: за девушку двадцать рублей, за вдову – десять. Столько платил пророк за своих жен, столько платил за своих Шамиль, за столько отдал он своих дочерей, за столько же приобрел жен своим сыновьям и, наконец, за столько же предложил и горцам приобретать себе жен с таким притом условием, что за

меньшую сумму они могут приобретать их сколько угодно, но за большую ни под каким видом: всякая лихва против этой цифры возвращалась со штрафом.

Это была разумная мера для побуждения сластолюбивых голяков к заключению брачных союзов, или, иначе, к удовлетворению их животных стремлений, путем более или менее законным, более или менее сдерживавшим их необузданные страсти. Но вместе с тем та же самая мера заключала в себе условия, предававшие женщину еще большей зависимости, делавшие положение ее еще более безвыходным: пользуясь предоставленным правом, горцы не замедлили придать указанной норме самый разнообразный характер и, как мы видели, довели цифру калыма почти до бесконечно малой величины.

7. ПРАВИЛА ТОРГОВЛИ И ОБМЕНА ДОМАШНЕГО СКОТА (Низам 6. О торговле и о мене домашним скотом)

Значительное место было уделено гражданско-правовым вопросам. Между множеством темных сторон, составляющих характеристику горцев, страсть к ябеде и к тяжбам, конечно, следует поставить на первом плане. Но нигде и ни в чем она так резко не проявлялась, как в сделках, имевших предметом покупку, продажу или мену домашнего скота: и то, и другое, и третье совершалось беспрестанно. Не надо, однако, думать, что сделки эти производились вследствие необходимости или из особенного пристрастия горцев к промышленности и торговле: такое предположение будет неверно; просто, одурелые от праздности, они чувствовали потребность хоть чем-нибудь заполнить свое время. Тем не менее бездельные эти занятия возбуждали множество споров, нередко сопровождавшихся убийством, которое потом обращалось в нескончаемое канлы. Главной причиной всего этого, была страсть к стяжательству, которая, по словам Шамиля, заключается в крови горцев и составляет основание их характера. Получив иное направление, страсть эта привела бы к блестящим результатам, но при условиях, в которых находилась страна до покорения ее, эта склонность обратилась в открытый грабеж против чужих и в мелкое воровство – мошенничество против своих. Наиболее важная статья богатства горцев – домашний скот – представляла цель, к которой устремлялись действия, считавшиеся неблаго-

видными только во мнении Шамиля да еще самого незначительного меньшинства населения. Действия эти имели два вида. Во-первых, бедняк – горец, страдая в неурожайное время от голода, ведет лишнюю свою скотину к запасливому соседу — односельцу, а чаще в соседний аул и променивает ее на несколько гарнцев пшеницы или кукурузы. Поправив свое хозяйство через несколько месяцев, а иногда и через несколько лет, он является к покупщику скотины с тем количеством хлеба, которое взял у него, требует возврата своих животов со всей прибылью, полученной от них новым хозяином. Тот, конечно, не желает исполнить этого требования, и вот завязываются спор и тяжба или ссора и убийство.

Для прекращения этого Шамиль постановил; чтобы промененная скотина оставалась собственностью нового хозяина, а прежнего он лишил права предъявлять какую-либо претензию. В таких случаях требование продавца имело иногда в своем основании недостаток соображения: ему казалось, что он не продал и не променял свою скотину безвозвратно, а только под ее залог взял нужное количество хлеба. Закон этот был вызван беспрестанным нарушением договоров между частными людьми, что затрудняло и порождало в стране большие беспорядки, окончательно подрывая в населении взаимное доверие друг к другу.

Уловка, употребляемая горцами в этих случаях, есть та самая, которую употребляют они в своих супружеских расчетах. Обыкновенно кредиторы предъявляют свои требования в то время, когда имеют сведения, что должники их располагают средствами к возврату позаимствованных денег, скотины или других предметов. Тем не менее в ответ они почти всегда слышат, что и находящиеся в их руках деньги, и скотина, и все остальное им не принадлежит, а уже давно отдано такому-то, в чем и представляют нужное число подкупленных свидетелей.

Таким образом, страсть к обману обуяла, можно сказать, все население страны, потому что в этом, например, случае — в сделке между двумя лицами — в обмане участвуют еще четыре человека свидетелей, да пятый, который возбудил обман.

Мера, принятая Шамилем, была та же самая, которая обуславливала брачный развод, именно: все, что находится у горца в доме, а также при нем или на нем, предписано признавать его собственностью, от начала иска и до окончания его. В обоих случаях — и в деле расторжения брака, и в обеспечении обязательств — закон этот, по словам Ша-

миля, произвел вполне желаемое действие: в первом случае он принудил горцев смотреть на брачные узы несколько серьезнее, так что со времени обнародования закона разводы сделались заметно реже. В последнем случае он тоже внушил горцам более правильное понятие о чужой собственности. Однако, вникая в слова Шамиля о необходимости, которая беспрестанно встречалась в применении закона, нельзя не заметить в них противоречия с «стремлением горцев к правдивости», о которой тот же Шамиль постоянно отзывается с большой похвалой. Где именно заключается это противоречие — в характере ли горцев или в пристрастии со стороны самого Шамиля, довольно понятном после дурного расчета, которым горцы закончили свой долговременный союз с ним, вопрос этот может быть решен только при ближайшем знакомстве с нашими новыми соотечественниками.

Для активизации торговли он предписал «принимать тифлисское серебро в пределах... шариатского государства для облегчения обращения в народе денежных знаков» [7, с. 212], так как своих денег у горцев не было, а царских монет не хватало.

Шамиль отказался от чеканки собственных монет, что являлось прямым свидетельством того, как экономика царизма влияла на экономику гор. В то же время при огромной нехватке имевшихся в обращении денежных знаков стали появляться фальшивые деньги, которые горцы чеканили под царские монеты. Шамиль понял опасность этого явления для хозяйственного развития страны и предпринял все меры, направленные на уничтожение фальшивых денег, принуждение торговцев возмещать урон потерпевшему. Провинившийся мог быть наказан вплоть до смертной казни.

8. НАСЛЕДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ (Низам 3. О наследстве)

Значительное место в низамах занимают вопросы наследования. Оставшееся после умерших горцев имущество всегда служило причиной бесчисленного множества споров между наследниками. Разнообразные условия, в которые они возникали, Шамиль охарактеризовал термином: «сто тысяч случаев». Поводов к тому было множество, и сопряженная с ними сложность и запутанность родственных связей порождали нескончаемые тяжбы, затрудняли начальство, замедляя ход дела и нимало не удовлетворяли тяжущихся. Все эти затруднения особенно, усиливались указаниями адата, к которому горцы нередко прибегали с об-

шего согласия истца, ответчика и самого судьи. Но потом сторона, недовольная решением адата, требовала обсуждения дела по шариату. Наконец, новые наследники, появляясь одновременно, невесть откуда и, предъявляя свои права на имущество покойника, требовали обсуждения дела вновь. Дело затягивалось, и из него исходили те условия и положения, которые вызвали у Шамиля его характерный термин.

Несмотря на то, что по предмету наследства для административной деятельности Шамиля, предстояло обширное поле, он ограничился одним только постановлением, именно уравнил права на наследство для всех детей (мужского пола), несмотря на условия их рождения, и отвергал законность духовных завещаний, если они были составлены не в этом духе. Другим постановлением он строго предписал обращаться в делах такого рода исключительно! к шариату, в котором права наследников изложены в совершенной подробности на каждый из ста тысяч случаев. Постановление это пробудило дремавшее духовенство, которое, разрешая подобные тяжбы, не всегда успешно разыскивало в Коране приличные случаи для постановления о наследстве, оправдываясь неимением оных или же перетолковывая их по-своему; а это самое и побуждало горцев обращаться к адату. Установленные же Шамилем отношения между муллами и муфтиями (о чем будет сказано ниже) во многом способствовали устранению неудобств.

Особо выделялось отношение к женщине. *Прикосновение к женщине.* Прикосновение мужчины к телу и даже к платью женщины, по понятиям горцев, составляет для нее полное бесчестие. Этим пользовались в прежнее время многие негодяи, желая отомстить женщине или девушке за неудачу своего волокитства или делая это из каких-либо иных побуждений. Во всяком случае, прямым последствием прикосновения было канлы (кровомщение), и это встречалось прежде так часто, что Шамиль, говоря о канлы за «бесчестие женщины», назвал его «нескончаемым канлы». Но трехмесячный арест, сопровождаемый денежным штрафом, достаточно оградило горских женщин от наглости их соотечественников.

9. НОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ В ПУБЛИЧНЫХ МЕСТАХ (Низам 2. Драка)

Регулировались вопросы поддержания общественного порядка. Если между горцами часто

случались драки, сопровождавшиеся убийством, то ссора, оканчивавшаяся побоями и увечьями, была делом самым обыкновенным, столько же почти неизбежным, как и ежедневное употребление пищи. Тем не менее обстоятельство это вводило правительство в большие хлопоты, а что всего хуже – вызывало несправедливые решения чаще, нежели по другим делам.

Обыкновенно героями таких происшествий были люди богатые, или «хороших» фамилий. В Дагестане, где равенство было в большом ходу, по крайней мере, на словах, слово «хорошая фамилия» означало людей, обладавших известной властью или находившихся в близких к ним отношениях. Таким драчунам все сходило с рук: они всегда были правы и, пользуясь безнаказанностью своих поступков, не упускали удобного случая применить свои права на деле. Таким образом, в делах этого рода страдательная роль по большей части выпадала на долю бедняка. По крайней мере, так было до Шамиля, который, вступив в управление страной, признал необходимым принять меры если не к искоренению скверного обычая, то хотя бы к ограждению слабого от жестокой и безвинной ответственности. Дело это, в сущности, было несравненно труднее, чем может казаться с виду. Склонность горцев к драке, составляя врожденную черту их характера, должна была, сверх того, развиваться условиями их быта и положением их страны; даже народные предводители должны были поддерживать эту склонность, как одно из верных средств к развитию в населении воинственного духа.

Итак, Шамилю приходилось преследовать тот самый обычай, к достижению которого сам же он устремлял все свои старания. Это составляло труд тяжелый, тем не менее обещавший надежду на успех в исполнении, что и существующие по этому предмету правила шариата, скорее способные возбудить кровопролитие, нежели прекратить ссору и восстановить согласие. Но Шамиль обратился к всегдашнему своему помощнику – тому же самому шариату, и вопрос был решен.

Одно из правил шариата гласит: «человека, пришедшего в чужой дом, в чужой сад или в чужое поле для драки с хозяином или с членами его семейства, можно убить как собаку». Другое правило шариата требует в возмездие за пролитую кровь или же (канлы).

Можно себе представить, к какому результату приводили горцев эти указания. А все-таки

богатые и сильные находились в условиях несравненно выгоднейших, нежели бедные. Убив или изувечив бедняка в своем доме, богатый представлял в свое оправдание первое из вышеприведенных правил и прикрывался им как щитом. Но, когда бедный сделает то же с богатым буяном, его подвергали действию второго правила. Бессильные для восстановления своего права собственными средствами, бедняки обращались к правосудию. Но действовавший в стране закон плавал посреди потоков крови, и кормчие этого судна, лишённые компаса и сбиваемые бесчисленным множеством «открывавшихся им дорог», решительно были не в состоянии вести свой корабль в должном направлении.

Взявшись за дело, Шамиль употребил то самое средство, которым руководствовался во всех других случаях, являющих собою противоречия и несообразности шариата: он поравнял шансы богатых и бедных. Не отвергая законности канлы во всем, где только показывалась кровь, он сделал исключение в пользу того случая, о котором идёт речь, и, придерживаясь указаний шариата, постановил следующее: в случае смерти, причиненной во время драки человеку, пришедшему для этого в чужой дом (вообще в чужое владение), хозяин его освобождается от всякой ответственности. И если родственники убитого начнут мстить за его кровь, то сами они обратятся в убийц, подлежащих преследованию закона и мщению родственников убитого ими человека. Равным образом, если в драке будет убит хозяин дома или кто-либо из его домашних, тогда убийца должен подвергнуться мщению родственников убитого, даже при содействии правительства, если встретится в том надобность. Устанавливая это правило, Шамиль в сущности не прибавил от себя ничего: он только «нашел дорогу» к одной из статей закона. Но он, как мы сейчас упомянули, поравнял шансы людей различного состояния, а это-то и составляет тайну его могущества, потому что такой образ действий приобрел ему популярность, которая, по его собственным словам, послужила фундаментом этого могущества. Прочие узаконения, постановленные собственно Шамилем по вопросу о драке, заключаются в следующем: Если драка оканчивалась боевыми знаками на теле одного из дравшихся, то нанесший их подвергался тюремному заключению и денежному штрафу, сообразно указаниям шариата, в пользу принявшего побои. В случае запирательства одного из драчунов дело решалось согласно показанию свидетелей. Если драка проис-

ходила без свидетелей, то ответчику предлагалась присяга: если он принимал ее, дело предавалось воле Божьей; в противном случае он подвергался ответственности как виновный. Вот все, что сделано Шамилем по этой части. Оно, конечно, немного; но, по словам законодателя, этого немногого было достаточно для разъяснения путаницы, господствовавшей во взаимных отношениях горцев.

10. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВО (Низам 11. Фальшивая монета)

Была объявлена война фальшивомонетничеству. Обращавшаяся в горах ходячая монета была только русского чеканна и именно серебряная. Были, правда, грузинские двадцати- и сорокакопеечники, но их обращалось очень немного, да горцы и не питали к ним должного доверия, так что когда в одно время грузинская монета появилась в горах в довольно значительном количестве, то горцы совсем было не хотели признавать ее ходячей монетой. Дело это вскоре приняло сложные размеры и, наконец, представлено было на разрешение Шамиля, который приказал принимать монету повсеместно, только не по сорока, а по тридцати копеек. Из остальной ходячей монеты в горах было очень много полуимпериалов и голландских червонцев. Много было также и бумажных денег, но они не имели никакой ценности и, часто не узнаваемые в своем достоинстве, предавались уничтожению. Те же, о которых горцы имели должное понятие, немедленно сбывались в русских крепостях или более смышленным родичам, жившим на мирную ногу. В этих случаях соразмерности в обмене никакой не было и часто сто-рублевый билет сбывался за один рубль, а то и еще дешевле.

Медных денег в обращении совсем не было, а те, которые попадались каким-нибудь случаем горцу в руки, обыкновенно шли в дом как деловая медь. Преимущественно же они употреблялись серебряниками для черняти. При таких неблагоприятных для развития общественных сношений условиях Шамиль узнает однажды, что в немирном крае обращается в большом количестве фальшивая монета и что выделкой ее занимаются сами горцы. Представленные образчики оказались превосходными, так что, по словам одного из членов семейства Шамиля, «фальшивый полуимпериал был гораздо вернее настоящего». Горцы чеканили только полуимпериалы и серебряные рубли. Пер-

вые выделялись из так называемой «зеленой» меди и потом густо золотились, а последние – просто из олова, тоже хорошо посеребряного.

11. СИСТЕМА ЗАПРЕТОВ (Низам 13. Запрещения)

Введены были запрещения. Действие этого низама распространялось на те стороны обыденной жизни человека, которые у христиан составляют необходимую принадлежность домашнего быта, а для мусульман запрещены Кораном. Это бывает или явно, или же в таких неопределенных выражениях, что невольно возникает вопрос: позволительно такое-то действие или непозволительно? В свою очередь и это сомнение неизбежно порождает возможность толкования одного и того же предмета различными способами, не имеющими между собой ничего общего. Эту особенность мусульманского законодательства и эти-то различные способы понимания правил шариата Шамиль и называет «различными дорогами». Избрание той или другой дороги породило в исламизме секты, и, конечно, самая снисходительная из них не та, к которой принадлежит Шамиль.

Строгость Шамиля к людским слабостям и нетерпимость его ко всему, что касалось удобств и разнообразия жизни, имели в своем основании сколько в непреложности записанных в книге истин, столько же и уверенности в пользе применения этих истин к условиям, в которых страна находилась. Доказательством последнего предположения служит, между прочим, и явное по временам уклонение Шамиля от некоторых основных правил шариата, в чем он никак не хочет сознаться, утверждая, что он принял на себя только роль слепого исполнителя велений шариата. Все это нигде так ясно не обозначается, как в нижеследующих его постановлениях. К числу предметов, «положительно» запрещенных кораном, следует отнести вино. Не довольствуясь этим. Шамиль запретил продавать виноград тем людям, которые «умеют делать вино».

По правилам шариата каждый случай пьянства наказывается сорока палочными ударами. Шамиль усилил это наказание, а впоследствии обратил его в смертную казнь для тех людей, которые, обнаруживали пристрастие к вину, были к тому же известны неодобрительным поведением вообще. Музыка, танцы, курение и нюхание табака принадлежат к числу тех предметов, запрещение которых открыло для последователей шариата

множество «дорог». Мы уже знаем, какую дорогу избрали персияне, турки и мусульмане других наций. Шамиль выбрал иную дорогу: за курение он приказал привешивать к лицу курильщика трубку или табачный лист посредством продетой сквозь ноздри бечевки; за нюхание он определил то же самое в отношении табакерки или рога. С этим украшением виновного водили по деревне, объявляя во всеуслышание о причине, вызвавшей такое наказание. Сверх того, курильщиков подвергали аресту по усмотрению наиба.

Меломанов, уличенных в пристрастии к музыке, тоже подвергали аресту или палочным ударам по усмотрению начальства. Принадлежавшие же им инструменты немедленно предавались уничтожению.

Танцы запрещены шариатом не безусловно: для них сделано небольшое исключение – в пользу двух случаев: празднования свадьбы и обрезания. В это время мусульманам разрешается танцевать сколько душе угодно, с таким, однако, условием, чтобы мужчины танцевали своей компанией в одной комнате, а женщины – своею в другой. Что касается музыки, то шариат допускает в этих случаях только один инструмент: род барабана, сделанного из кадушки или бочонка, обтянутых кожей.

Сообразив, что послабление это, по свойственной людям слабости, может подать повод к дальнейшему соблазну, Шамиль запретил танцы совсем, а виновных в этом преступлении разделил на две категории: к одной причислил людей порядочных, которые подвергались только наказанию палками, а к другой – людей, пользовавшихся не совсем хорошей репутацией. Этим наказывали иначе: им марали лицо сажею или грязью, сажали на ишака лицом к хвосту и в таком виде возили по селению. Взрослые издевались над танцорами, а мальчишки бросали в них грязью.

Здесь тоже заметно явное уклонение Шамиля от точного выполнения указаний шариата. Однако он и в этом не сознается, а в виде довода утверждает, что к установлению таких низамов его побудило простое желание отвратить горцев от занятий, подробности которых могли иметь губительное влияние на ход войны.

Но венцом законодательства Шамиля, конечно, следует назвать постановления о канлы (кровомщении) и по уничтожению крепостного права. Первый из названных предметов был уже подробно изложен нами прежде, а последний

находится в такой тесной связи с идеей равенства, лежавшею в основании всех действий Шамиля, следовательно и в основании целого факта тридцатилетней войны на восточном Кавказе, что, разбирая подробности одного явления, невозможно умолчать о другом. Все это, взятое вместе, представляет предмет очень сложный, требующий особого изложения, и мы, рассчитывая исполнить это в самом непродолжительном времени, скажем теперь вкратце, что постановлениями своими по предмету крепостного права Шамиль разъяснил великую путаницу, господствовавшую в счетах владельцев с их крестьянами, и тем самым, положив начало свободы для многих, неправильно закабаленных в рабство, значительно облегчил участь других, которые, согласно основных мусульманских постановлений, должны были остаться в крепостном состоянии. Независимо от этого, он радикально уничтожил крепостное право в селениях Ках, Куаниб, Хинниб и Тлягилюк, которыми с незапамятных времен аварские ханы владели на помещичьем праве.

Преследовалось воровство. Денежный штраф за воровство введен Шамилем на основании права, которое предоставлено шариатом имаму изменять по его усмотрению предписания шариата, касающиеся именно воровства. Цель же, которую имел в этом случае Шамиль, заключалась в необходимости избежать постановлений Корана, определявших взыскания в следующей соразмерности: за воровство в первый раз (без различия ценности украденного, по при том условии, когда преступление сопровождалось взломом) отсечение правой руки; во второй раз – левой ноги; в третий – левой руки; в четвертый – оставшейся ноги, и, наконец, в пятый раз – отсечение головы.

Хорошо знакомые Шамилю наклонности горцев внушали ему серьезное опасение, что если он станет придерживаться в отношении воровства точного смысла постановлений шариата, то население страны в самом непродолжительном времени если не уменьшится значительным образом, то наполовину будет искалечено. В основательности этого опасения можно удостовериться еще и теперь, побывавши в Анди и Гидатле, где из трех человек туземцев один, наверное, без руки. Впрочем, и после издания низама наибы этих двух обществ продолжали употреблять иногда определенное шариатом наказание, имея в виду необычайное пристрастие жителей к воровству. Применяясь к строгости шариата, Шамиль устранил постепенность о своем низаме, а вместо того определил:

подвергать виновного в воровстве, какого бы рода оно ни было, как за первым, так и за вторым разом, трехмесячному заключению в яму, со взысканием по двадцати копеек серебром за каждую ночь заключения. За третьим же разом следовала смертная казнь.

Исправительная мера, выражением которой служило двукратное заключение, распространилась только на тех преступников, доброе поведение которых в прежнее время удостоверялось их обществами. В случае же неодобрительного отзыва виновный подвергался смертной казни за первое же воровство. Нередко случалось, что по родственным связям или из корыстных целей наибы отдаляли смертную казнь до четвертого раза или же просто предоставляли преступникам возможность скрыться от действия правосудия. Но подобное уклонение, проявлявшееся, впрочем, в немирном крае сплошь и рядом, не может служить обвинением для Шамиля, который со своей стороны вполне убежден в действенности своего низама для исправления такого народа, как горцы.

12. СИСТЕМА ШТРАФОВ (Низам 1. Денежный штраф)

Начинались Низамы Шамиля с денежных штрафов. Закон этот значим, во-первых, потому, что он, кажется, один из старейших между всеми остальными (Шамиль не помнит в точности времени издания своих законов); во-вторых, потому, что необходимость в применении его встречалась чаще, нежели в отношении других низамов. Следовательно, он, если можно так выразиться, пользовался большой «популярностью», и, наконец, действием этого низама открывалась одна из отраслей доходов страны, а потому, в сравнении с прочими, он имеет более важное значение.

Денежный штраф учрежден Шамилем около десяти лет назад до принятия Низамов. В 1851 – 1852 гг. он обыкновенно сопровождался тюремным заключением и рассчитывался не днями, а ночами, из расчёта за каждую ночь, проведенную в тюрьме, то есть в яме, по двадцать копеек серебром. Впрочем, расчет этот был делом исключения, о котором будет сказано ниже: норма же, установленная Шамилем, составляет три месяца за каждое из трех преступлений, подлежавших денежному штрафу. Денежные штрафы определялись наибами. Составлявшиеся из этого источника суммы тоже принадлежали к числу тех, которые в совокупности назывались общественною казною (бейтульман); но они находились в полном распоряже-

нии набов, которые должны были употреблять их на содержание своих мюридов, на помощь бедным, на вооружение способных к войне, на богатых людей и преимущественно на уплату местным жителям не мюридам, посылавшимся в разные места, с разными поручениями и для передачи разного рода сведений. В пользу же наиба штрафные деньги не поступали никакой своей частью. Таково, по крайней мере, было распоряжение Шамиля. По смыслу его, и все эти суммы должны были храниться отнюдь не у набов, а у особых избранных сельскими обществами казначеев, которые обязаны были расходовать порученные им деньги только по надлежащему удостоверению в необходимости издержки, открываемой набом.

Литература

1. История государства и права Дагестана. Хрестоматия. Часть 1. Подготовлена М.А. Исмаиловым. Махачкала, 2008.
2. *Ших Саидов А.Р.* Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан» Мухаммеда Рафи (к вопросу об изучении) // Письменные памятники Востока. Ежегодник, 1972. М., 1977.
3. АКАК.Т.ХП.С.1398, 1399.
4. ЦГАРД.Ф.133.Оп.2. Ед. хр.2. Л.21.
5. *Романовский Д.А.* Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860.
6. СКГ. Вып. III. Тифлиς, 1870.
7. ВС.Т. XIУ. 1860; 100 писем Шамиля.
8. При написании данной части работы использованы работы: Низамь Шамиля. (Материалы для истории Дагестана) // ССКГ. Вып. III. Тифлиς, 1870.
9. *Руновский А.И.* Записки о Шамиле. 1862.
10. *Магомедов Р.М.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М., 1939.
11. *Имам Шамиль.* Махачкала. 1941.
12. *Магомедов М.Б.* Историко-правовые аспекты Кавказской войны 20-50х годов XIX века. М., 2000.
13. *Магомедов М.Б.* Имамат: государственное строительство и его правовые аспекты. М.: Изд-во МГУ, 2001;
14. *Рамазанов А.Х.* Реформаторская деятельность великого имама Шамиля. Махачкала, 1996; *Рамазанов Х.Х.* Эпоха Шамиля. М., 2004.
15. *Исмаилов М.А.* История государства и права Дагестана. Часть 1. Махачкала. 2006;
16. Халифаева А.К. История государства и права Дагестана. Часть 1: Курс лекций. Махачкала, 2010.
17. *Сигаури И.М.* Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М.: Издательский дом «Русская жизнь», 1997.

Gumashvili Labaz Eliozovich, candidate of legal Sciences, Professor, senior Storage shed G. researcher Integrated research and research Institute of the Russian Academy of Sciences (KNEE RAS) Grozny (364014, Chechen Republic, Grozny, street B. Khmelnytsky (A. Aidamirova), building 141, block. 6, square 85.

E-mail: tugai-urt@yandex.ru

ANALYSIS OF THE CONSTITUTION OF SHAMIL

Abstract

The article provides an analysis of the legal material Constitution (nizams) Shamil given the current state of the classical structure of constitutional legislation. Proposed analysis of the development of constitutional legislation surrounding North Caucasus space – Europe, Russia, the Muslim world.

Keywords: *Nizami Shamil, administrative division, marriage, the apparatus of the state.*

References

1. Istoriya gosudarstva i prava Dagestana. Hrestomatiya. Chast' 1. Podgotovlena M.A. Ismailovym. Mahachkala, 2008.
2. *Shih Saidov A.R.* Dagestanskaya istoricheskaya hronika «Tarih Dagestan» Muhammeda Rafi (k vo-
prosu ob izuchenii) // Pis'mennye pamyatniki Vostoka. Ezhegodnik, 1972. M., 1977.
3. АКАК.Т.НР.С.1398, 1399.
4. CGARD.F.133.Op.2. Ed. hr.2. L.21.
5. *Romanovskiy D.A.* Kavkaz i Kavkazskaya voyna. SPb., 1860.
6. SKG. Vyp.Sh. Tiflisj, 1870.
7. VS.T. H1U. 1860; 100 pisem Shamilya.
8. Pri napisanii dannoy chasti raboty ispol'zovany raboty: Nizamj Shamilya. (Materialy dlya istorii Da-
gestana) // SSKG. Vyp. III. Tiflisj, 1870;
9. *Runovskiy A.I.* Zapiski o Shamilе.1862;
10. *Magomedov R.M.* Bor'ba gorcev za nezavisimost' pod rukovodstvom Shamilya. M., 1939.
11. Imam Shamil'. Mahachkala. 1941.
12. *Magomedov M.B.* Istoriko-pravovye aspekty Kavkazskoy voyny 20-50h godov XIX veka. M., 2000.
13. *Magomedov M.B.* Imamat: gosudarstvennoe stroitel'stvo i ego pravovye aspekty. M.: Izd-vo MGU,
2001.
14. *Ramazanov A.H.* Reformatorskaya deyatel'nost' velikogo imama Shamilya. Mahachkala, 1996;
Ramazanov H.H. Epoha Shamilya. M., 2004.
15. *Ismailov M.A.* Istoriya gosudarstva i prava Dagestana. Chast' 1. Mahachkala. 2006.
16. *Halifaeva A.K.* Istoriya gosudarstva i prava Dagestana. Chast' 1: Kurs lekciy. Mahachkala, 2010.
17. *Sigauri I.M.* Oчерki istorii i gosudarstvennogo ustroystva chechencev s drevneishih vremen. M.: Iz-
datel'skiy dom «Russkaya zhizn'», 1997.

УДК 341.321.1

ПРОБЛЕМА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РОЖДАЕМОСТИ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ (1933 – 1939 гг.)

**Паламарчук
Евгений Александрович**

доктор исторических наук, профессор,
Институт управления, бизнеса и права,
(344068, Россия, г. Ростов-на-Дону,
проспект Нагибина, 33А/47)
E-mail: epalamar@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу политики нацистских властей по стимулированию повышения рождаемости и её законодательной основы. Особое внимание уделено льготам, предоставлявшимся семьям с большим количеством ценных в расовом отношении детей и провалу попыток национал-социалистов превратить Германию в страну многодетных семей.

Ключевые слова: законодательство, нацизм, рождаемость, Третий рейх, семья, материнство, новорождённые, внебрачные дети, биологическая функция женщины, демографические проблемы, брачные ссуды.

В последнее время в свете происходящих на Украине трагических событий и роли в них неонацистов, попыток героизации коллаборационистов и пронацистского прошлого стран-сателлитов Тре-

тьего рейха, переоценки характера и итогов Второй мировой войны, систематически предпринимаемых определёнными политическими кругами США, Западной и Восточной Европы и обслужи-